

Институциональная экономика

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Андрей ЗАОСТРОВЦЕВ

Андрей Павлович Заостровцев —
кандидат экономических наук,
профессор департамента государственного
администрирования, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (РФ, 190121,
Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16);
научный сотрудник Центра исследований
модернизации, Европейский университет
в Санкт-Петербурге (РФ, 191187,
Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, лит. А).
E-mail: zao-and@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет собой исследование институциональной конкуренции в рамках цивилизационного подхода. Институт описывается как сложная составная категория, раскрываются различные подходы современных исследователей к ее определению и расхождения их трактовок. Автор статьи отождествляет неформальные институты с культурой, которая определяется как укорененные массовые убеждения относительно справедливого социального порядка. Формальные институты в конечном счете определяются культурой, но сами к ней не относятся. Цивилизации, или социальные порядки, делятся на два типа — правовой и силовой. В основе первого — частная собственность, в основе второго — власть-собственность. Институциональная конкуренция между правовой и силовой цивилизациями есть конкуренция ради замены фундаментальных, системообразующих институтов одной из конкурирующих сторон на альтернативные институты другой. Этим она принципиально отличается от институциональной конкуренции между странами одной цивилизации, где эволюционный отбор институтов происходит при сохранении общего институционального ядра. Модернизация — двойственное понятие. С одной стороны, она выступает как вестернизация — вытеснение институтов силовой цивилизации институтами правовой. Ее завершение означало бы для той или иной страны смену цивилизационной парадигмы. С другой — принадлежащие к силовой цивилизации страны по этой причине сдерживают вестернизацию и прибегают к адаптивной модернизации в форме организационно-технических усовершенствований и контролируемых рыночных преобразований, не разрушающих институционального ядра. В XXI веке сближения цивилизаций не наблюдается, напротив, происходит их отчуждение друг от друга. Лучшим подтверждением этого служит девестернизация России по сравнению с 1990-ми годами в результате провала реформ: индекс личных прав, по оценке Института Катона, к 2016 году почти сравнялся с китайским. Силовая цивилизация в ее российском варианте трансформировалась из командной экономики в рыночный сталинизм и в таком новом качестве пошла на новый виток противостояния Западу.

Ключевые слова: формальные институты, неформальные институты, правовая цивилизация, силовая цивилизация, двойственность модернизации, вестернизация, адаптация.

JEL: B20, B40, B41, B52.

Введение

Нельзя утверждать, что проблема институциональной конкуренции совсем обойдена вниманием исследователей институциональных изменений. В середине 1990-х и в середине 2000-х годов с интервалом в тринадцать лет выходят посвященные ей сборники статей ученых-институционалистов. Среди представленных работ стоит выделить вклад таких авторов, как Вольфганг Кербер и Виктор Ванберг [Kerber, Vanberg, 1995; Vanberg, 2008], Питер Бернхольц [Bernholz, 1995, 2008], Рональд Ваубел [Vaubel, 2008], Лудер Геркен [Gerken, 1995], Павел Пеликан [Pelikan, 1995], Михаэль Уолгемут [Wohlgemuth, 2008], Рольф Хейджер [Höijer, 2008]. В 1996 году на эту же тему была опубликована статья основоположника новой институциональной экономической истории Дугласа Норта [North, 1996].

В то же время конкуренция институтов не стала в глазах представителей этой сравнительно новой дисциплины предметом первостепенной важности: в увидевшем свет в 2008 году фундаментальном «Справочнике по новой институциональной экономике» статья «Институциональная конкуренция» или статья с похожим названием отсутствуют [Handbook., 2008]. С тех пор относящиеся к этой теме вопросы поднимались в ряде дискуссий на страницах ведущих зарубежных журналов соответствующего профиля [Blyth et al., 2011; Brousseau et al., 2011; Choi, 2013; Kuran, 2009b]. Речь в них преимущественно шла не о частных вопросах (например, о том, какой политический институт более всего способствует экономическому росту — президентская или парламентская республика), а о том, как и по какой причине институты изменяются в исторической перспективе и какие из них имеют в плане стимулирования прогресса преимущества перед другими. Среди этих публикаций выделяется статья Тимура Курана «Объясняя экономические траектории цивилизаций: системный подход» [Kuran, 2009a].

Однако зарубежный дискурс не дал систематизированной картины институциональной конкуренции в международных и/или междивилизационных отношениях. В этом плане обращает на себя внимание книга Рустама Нуреева и Юрия Латова, где таковая определена и описана, включая ее представление в схематическом виде [Нуреев, Латов, 2009. С. 23–27]. Однако в этой области есть еще много лакун. Нуждаются в прояснении следующие вопросы:

- 1) отношение структуры института и институциональной конкуренции;
- 2) предмет конкуренции (вокруг чего и за что ведется борьба);

- 3) модернизация и институциональная конкуренция в контексте межцивилизационного конфликта.

Последовательностью перечисленных здесь проблем и определяется логика статьи.

1. Институты: что же это такое?

Понятие «институт» кажется весьма и весьма тривиальным, само собой разумеющимся, не нуждающимся в уточняющих и развивающих определениях. На самом деле далеко не все так просто: несмотря на то что оно используется давно и очень часто во всех социальных науках, его структура продолжает вызывать диспуты и разногласия. Спецификация структуры понятия «институт» особо важна, когда речь заходит об институциональной конкуренции: необходимо четко представлять, что с чем конфликтует и борется.

Не случайно ранее упомянутую книгу «Институциональная конкуренция» [Handbook., 2008] открывает статья Хейджера, которая начинается с описания разных взглядов на то, что такое институт. Хейджер не считает достаточно обоснованным социологическое определение, где институт трактуется как являющиеся предсказуемыми привычные (*habitual*) паттерны поведения. «Институты, конечно, вносят свой вклад в то, чтобы сделать поведение предсказуемым, но не всё предсказуемое поведение представляет собой институты. Люди имеют устойчивую привычку спать каждую ночь, но ночной сон не подлежит социальному контролю и, таким образом, не образует институт» [Höijer, 2008. P. 3]. Выдвигаются возражения и в отношении одной из экономических трактовок института, когда под ним понимается равновесное поведение в играх. Против нее выдвигается такой же по сути своей аргумент, что и против социологического подхода («не все равновесия — институты, и не все институты — равновесия»). Ссылаясь на возможные равновесные исходы в известной игре «дилемма заключенного», автор убеждает нас, что некоторые из них (например, анархия) не являются институтами, а, напротив, требуют появления государственных институтов ради их преодоления [Höijer, 2008. P. 5]. Очевидно, что определение института как равновесия есть результат приверженности многих экономистов излюбленной ими догме о равновесных состояниях, к которым якобы всегда стремится мир.

В соответствии с идущим от Норта классическим определением общеизвестно, что «институты — это правила игры, как формальные и неформальные правила, так и относящиеся к ним ха-

рактеристики принуждения». При этом различаются институты и организации, последние — это действующие в рамках правил игроки [North, 2008. P. 22]. Хейджер идет по пути расширения дефиниции: у него институты включают в себя санкции и акторов. Что касается санкций, они де-факто уже присутствуют в приведенном определении Норта. Для того чтобы правила действовали, они должны влиять на поведение индивидов, а тут без санкций (по Норту — «характеристик принуждения») не обойтись. Хейджер называет такие влияющие на поведение правила эффективными в отличие от номинальных, которые в лучшем случае обозначают намерение, а в худшем — просто являются бумажным артефактом [Höijer, 2008. P. 8].

Если правомерность трактовки санкций как составляющих понятия «институт» разделяется многими, то совсем иначе обстоит дело с акторами. Как мы видели, Норт не включает в это понятие, например, организации, а напротив — подчеркивает их отличие. Хейджер, признавая, что играющие по правилам акторы не составляют институты, вместе с тем указывает на наличие двух других типов игроков: тех, кто определяет правила, и тех, кто принуждает к их соблюдению, — и полагает возможным отнести их к институтам. Более того, на этом основании он строит принципиально значимое для рассмотрения институциональной конкуренции разделение институтов на формальные и неформальные. Формальный институт обладает двумя характеристиками, в нем, во-первых, на специальных агентов возложена ответственность за принуждение, и, во-вторых, эти уполномоченные агенты представляют «третью сторону». В неформальные же институты методом исключения попадают те, которые не имеют таких характеристик. Согласно этой точке зрения различие между формальными и неформальными институтами определяется тем, как организовано администрирование санкций [Höijer, 2008. P. 10–12]¹.

Приведенное определение неформальных институтов следует считать слишком узким. Оно, скорее всего, представляет собой лишь частный их случай. Действительно, если мы, например, возьмем обычаи, имеющие место в мусульманском мире, то многие из них (если не все) окажутся правилами, к соблюдению которых может принуждать «общественность» путем наложения разного рода санкций на их нарушителей, вплоть до ритуальных убийств (так называемых убийств чести). В то же время неформальные институты могут поддерживать себя и без санкций. Поэтому пред-

¹ Близкой позиции придерживается российский экономист-институционалист Виталий Тамбовцев, полагая, что неформальными (в отличие от формальных) являются институты, построенные на неспециализированном механизме принуждения к соблюдению правил, когда их гарантом может выступить любой человек, полагающий необходимым их соблюдение [Тамбовцев, 2014. С. 45].

ставленная Хейджером цепочка «правила — санкции — акторы» соотносится только с формальными институтами.

В отношении же неформальных институтов стоит придерживаться более близких к классическому их определений в качестве норм, убеждений, привычек ума и поведения [Ménard, Shirley, 2008. P. 1]. Они могут воспроизводить себя и без санкций, причем на длительных исторических отрезках. Так, идея независимой государственности часто долго живет в покоренных народах, прежде чем выплеснуться в реальность. История Польши или балтийских стран служит прекрасной тому иллюстрацией. Если же говорить о санкциях, то в период нахождения таких стран под властью иных держав эти санкции не только не были направлены на укрепление названной идеи, но активно работали против нее. Согласно же Хейджеру, о чем говорилось ранее, такие латентные неформальные институты называются номинальными и считаются малозначимыми. Последнее, как неоднократно доказывает история стран и народов, неверно.

В настоящее время экономисты ведут дискуссии относительно роли и места культуры в экономическом развитии. Поскольку в нем главная ответственность за успех или неуспех традиционно возлагается на качество институтов, невольно встает вопрос: как культура сопрягается с институтами?

Начнем с определения Норта: «Культура состоит из убеждений и институтов, наследуемых нами от прошлого и ограничивающих наш выбор в настоящем» [North, 2015. P. 233]. В этом определении содержится разделение на убеждения и институты, но, как известно, убеждения составляют ядро неформальных институтов. По сути, здесь Норт говорит о том, что культура охватывает как формальные, так и неформальные институты². В то же время существует тенденция отождествлять культуру исключительно с неформальными институтами. Альберто Алесина и Паола Джулиано, рассматривая культуру как ценности и убеждения, прямо заявляют о своем предпочтении термина «культура» термину «неформальные институты», в то время как употребление термина «институты» означает в их интерпретации только формальные институты [Alesina, Giuliano, 2014. P. 902].

Отождествление неформальных институтов с культурой имеет хотя бы то преимущество, что позволяет избежать схоластических и во многом бесплодных споров о разграничении этих понятий. Шурд Бегельсдейк и Роберт Маселанд видят различие между институтами и культурой в том, что «действие институтов не обязательно ограничивается конкретной группой» [Бегельсдейк,

² Подробнее о нортовском видении культуры и институтов см. [Заостровцев, 2014].

Маселанд, 2016. С. 25], а культура — это «подкласс институтов, связанных с социетальной коллективной идентичностью» [Бегельсдейк, Маселанд, 2016. С. 27]. Есть некоторые основания допустить, что здесь речь идет о формальных институтах, которые могут распространять свое действие на принадлежащих к разным культурам общностям людей. Так, действие советского законодательства распространялось и на эстонцев, и на туркмен. Следуя принципу бритвы Оккама, лучше не плодить ненужные сущности, а отождествить культуру с неформальными институтами, как поступили Алесина и Джулиано и ряд других институционалистов³.

Впрочем, провозглашение первенства неформальных институтов совсем не ново. Оно недвусмысленно обозначено еще Нортон [North, 2005. P. 50–51]. Причина кроется в устойчивости этих институтов: образующая их культура в своих базовых характеристиках — вещь довольно упругая, зачастую не поддающаяся реформаторским усилиям и передающаяся между поколениями. «Культура представляет собой межпоколенческий перенос норм, ценностей и идей» [North, 2005. P. 50]. Ее устойчивость в историческом времени и создает эффект зависимости обществ от пройденного ими пути (path dependence). Он препятствует успешному переносу институтов из одного социума в другой. «Зависимость от пройденного пути и укорененность убеждений и норм объясняют, почему недостаточное развитие не может быть преодолено просто импортированием институтов успешных в других странах» [Shirley, 2008. P. 629].

И, наконец, то, что очень важно для понимания институциональной конкуренции, заключается в интерпретации культуры Марией Харари и Гвидо Табеллини. Под культурой они понимают «преимущественно нормативные ценности относительно того, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” себя вести в данных обстоятельствах» [Harari, Tabellini, 2015. P. 246]. Можно сказать, что культура в такой трактовке — это некий выстроенный на основе укоренившихся ценностей набор убеждений о справедливости или несправедливости социального порядка. Или, говоря другими словами, его легитимности.

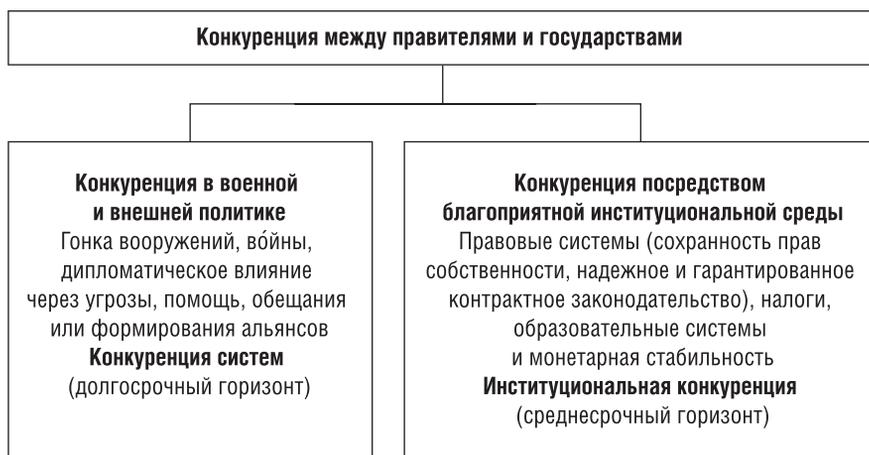
Обобщим кратко всё вышеизложенное. Неформальные институты (или культура как комплекс исторически устоявшихся и передаваемых из поколения в поколение ценностей, убеждений и поведенческих норм) лежат в основе доминирующих в обществе представлений о правильном (справедливом) социальном

³ Аналогичной позиции придерживается российский историк экономической мысли Владимир Автономов: «Яснее можно представить проблему, если под институтами иметь в виду только формальные, а под культурой — неформальные институты» [Автономов и др., 2017. С. 180].

порядке. Формальные институты могут как вырастать из неформальных, так и быть в той или иной мере чуждыми им, особенно если они импортируются из альтернативных социальных систем. В зависимости от этого варьируются приживаемость и степень легитимности формальных институтов. Организации и прочие акторы как таковые не входят в состав институтов, но отвечают за принуждение (санкции), которые обеспечивают их функционирование. В то же время неформальные институты (в отличие от формальных) могут существовать и в случае, если санкции направлены против них.

2. Институциональная конкуренция

Институциональная конкуренция — многоуровневое понятие. Этот факт отражен в ее классификации Бернхольцем [Bernholz, 2008. P. 93–94]. В разряде конкуренции между правителями и государствами он выделяет два вида: во-первых, в военной и внешней политике, во-вторых, посредством благоприятной институциональной среды (рис. 1).

Источник: составлено автором по [Bernholz, 2008. P. 94].

Рис. 1. Два вида межгосударственной конкуренции

Бернхольц по какой-то причине не относит конкуренцию систем к институциональной конкуренции. Что касается правой части схемы, то институциональная конкуренция сводится к соревнованию «за всё хорошее». При этом она увязывается с конкуренцией в военной сфере и внешней политике. Бернхольц выстраивает следующую цепочку рассуждений. В длительном периоде соревнование в этих областях выигрывает тот, кто оказывается успешнее в плане развития экономики. Последнее же требует хо-

роших институтов (гарантированных прав собственности, верховенства права и т. п.). Отсюда реформы Мэйдзи в Японии, преобразования Дэн Сяопина в Китае и перестройка Михаила Горбачева в СССР [Bernholz, 2008. P. 94–95]. Такую конкуренцию за лучшие институты можно назвать позитивной международной институциональной конкуренцией. Однако если ею ограничиться, то не понятны причины появления и существования стран с устойчиво плохими институтами, да еще из числа тех, что нацелены на глобальное противостояние.

Бернхольц пишет и об идеологической конкуренции, которая «стремится завоевать умы людей и, следовательно, не привязана к географическим единицам» [Bernholz, 2008. P. 94]. Она не отнесена автором к институциональной конкуренции, во всяком случае прямо о такой ее классификации ничего не говорится.

Вопрос, который возникает после ознакомления с работой Бернхольца, заключается в следующем: ограничивается ли международная институциональная конкуренция описанным им подражанием лучшим образцам? В отличие от Бернхольца Кербер и Ванберг видят то, что можно назвать негативной международной институциональной конкуренцией, и заключается она в том, чтобы не улучшить жизнь себе, а испортить ее другому. «Они <государства> могут конкурировать посредством протекционистской политики и экспортных субсидий, применения военной силы, организации террористических актов, ограничения мобильности граждан, конфискации собственности и набора подобных мер» [Kerber, Vanberg, 1995. P. 52]. Тем не менее авторы не развивают это видение; кроме того, в этом перечислении речь идет не о том, на что нацелена институциональная конкуренция (какие институты сталкиваются между собой и стремятся вытеснить конкурента), а о некоторых ее инструментах.

Обращаясь к экономической истории и делая обзор соответствующей литературы, Ваубел подчеркивает, что современные авторы связывают успех Запада с наличием множества государств, которые вынуждены были соперничать друг с другом (за тем, чтобы они не слились в какую-нибудь сверхмощную империю, подобную Османской или Китайской, следила незаинтересованная в таком развитии событий католическая церковь). В результате существовала конкуренция между разнообразными юрисдикциями (так называемая *yardstick competition*), которая в конечном счете вела к отбору лучших, наиболее благоприятных для рынка и экономического развития институтов. Кроме конкуренции между юрисдикциями в Европе наблюдалась и конкуренция внутри юрисдикций: католическая церковь ограничивала правителей в каждой из них, представляя особое и независимое

от них социальное устройство. «В длительном периоде институциональная конкуренция представляется наиболее сильным лекарством против провалов государства» (Vaubel, 2008. P. 59)⁴. При рассмотрении исторической ретроспективы речь идет о явлении, которое выше было обозначено как позитивная международная институциональная конкуренция, для которой характерно брать (импортировать) из стран-конкурентов образцовые институты.

В книге Нуреева и Латова [Нуреев, Латов, 2009. С. 23–27] дано наиболее систематизированное описание институциональной конкуренции. Авторы считают ее главным содержанием экономической истории и выделяют два уровня: (а) между отдельными институтами; (б) между институциональными системами (комплексами институциональных норм). И тут же ставятся два вопроса: ради чего ведется конкуренция и каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов. Ответ на первый вопрос связывается как с борьбой за расширение поля контролируемых ресурсов (в зарубежных публикациях она именуется как *resource-based competition*), так и со столкновением институтов и институциональных систем в борьбе за доминирование. «Цель институциональной конкуренции — это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов “правил игры”» [Нуреев, Латов, 2009. С. 24].

Отвечая на второй вопрос, авторы подчеркивают, что «главный критерий сравнительной эффективности институтов — <...> их способность противодействовать “чужому”» [Нуреев, Латов, 2009. С. 25]. И наряду с конкуренцией правил выработки правил и правил производства благ отмечают еще конкуренцию технологий подавления «чужих» моделей, которая совсем не обязательно связана с прямым насилием. Заметим, что в зарубежных публикациях этой стороне вопроса уделяется минимум внимания.

У тех же авторов находим и тезис о разной сравнительной эффективности отдельных составляющих институционального пакета. Если институты, гарантирующие нормальную хозяйственную деятельность в одной цивилизации, превосходят таковые в альтернативной, то это отнюдь не гарантирует успеха в институциональном противостоянии в целом. Кроме приводимых этими авторами исторических эпизодов можно вспомнить, например, и о том, что кочевники очевидно уступали оседлым земледельческим обществам в правилах организации производства и обмена, но нередко столь же очевидно превосходили их в эффективности

⁴ Не случайна своеобразная ностальгия по Европе из множества малых государств, когда «Европейский союз деградирует в политический картель по защите европейской “социальной модели”... давно потерявшей конкурентную устойчивость» [Wolgemuth, 2008. P. 83].

институтов насилия, и не одно земледельческое государство пало под напором кочевых племен.

Наконец, немаловажно и то, что в указанной работе дается как бы трехмерный взгляд на институциональную конкуренцию: соревнуются общественные порядки, цивилизационные и национальные системы, а также различные институты внутри последних. Это имеет принципиальное значение, поскольку рассмотрение институциональной конкуренции безотносительно того, чего из перечисленного она касается, крайне абстрактно и мешает раскрытию ее реального содержания. Поэтому далее автор настоящей статьи предлагает посмотреть на институциональную конкуренцию в рамках цивилизационного подхода и сделать выводы об особенностях современной модернизации.

3. Цивилизации и институциональные конфликты

Цивилизационный подход не является общепризнанным. Не случайно один из его творцов — социолог Овсей Шкаратан пишет в предисловии к книге о российской цивилизации: «Эта книга — о цивилизациях, которые одним представляются объективной реальностью, другим — выдумкой историков, политологов и социологов для удобства описания тех или иных процессов общественной жизни» [Россия как цивилизация, 2015. С. 1]. Отвергающие этот подход во многом правы, когда критикуют «цивилизационщиков» за постмодернистское мультицивилизационное видение проблемы с перечислением множества разных цивилизаций (у каждого из исследователей свой набор, иногда исчисляемый не одним десятком) без каких-либо четких критериев их разграничения [Янов, 2017. С. 353–371]. Александр Янов отстаивает классическую концепцию цивилизации, идущую от Аристотеля и Гегеля. Цивилизация — это свобода, ее альтернатива — варварство, отсутствие свободы и деспотия. «Народы, не ставящие себе целью обретение человеком внутреннего достоинства, остаются варварами» [Янов, 2017. С. 356].

Классическая точка зрения привлекательна своей определенностью: в соответствии с ней современные США или, скажем, Швеция относятся к цивилизации, в то время как Россия и Китай — варварские страны. И в такой постановке вопроса ключевой глобальный институциональный конфликт обозначался бы как конфликт цивилизации и варварства. Однако само понятие варварства сегодня является несколько устаревшим и ассоциируется с бытом изолированных от мира примитивных племен (вроде туземцев с Андаманских островов). Описывать современные Россию и Китай с помощью этого понятия — не лучший вариант.

Поэтому приходится говорить о принадлежности к определенному типу цивилизации⁵.

Автору настоящей статьи представляется привлекательной концепция, которую разработал российский юрист-либертарианец Владимир Четвернин. Он делит мир на цивилизации потестарного⁶ и правового типов. В потестарной цивилизации человек рассматривается лишь как часть по отношению к целому (народу, государству и т. п.), в правовой — люди признают друг друга свободными, принадлежащими самим себе и договороспособными⁷. В соответствии с этим критерием типология цивилизаций в индустриальную эпоху, представленная в табл. 1, выглядит следующим образом.

В крайних колонках таблицы расположены правовая и потестарная цивилизации в качестве антиподов, посередине — два смешанных варианта. При всей условности и даже спорности этой схемы в конкретных деталях она ценна тем, что соединяется с оригинальной теорией модернизации. В интерпретации Четвернина последняя подразделяется на два вида — западный и восточный. Согласно ей модернизация на Западе в рамках цивилизации правового типа была свершившимся в Новое время переходом от собственности как привилегии немногих к собственности как равному праву для всех. В итоге утвердилось право каждого быть собственником, включая право каждого на самого себя. Модернизация на Западе, в сущности, отождествляется с переходом к капитализму [Четвернин, 2014. С. 191]. Последующий сдвиг к социал-капитализму западного типа происходит вследствие нарастания государственного интервенционизма.

Т а б л и ц а 1

Типология цивилизаций индустриальной эпохи

Цивилизации правового типа	Смешанные цивилизации		Цивилизации потестарного типа
Капитализм	Западный социал-капитализм	Восточный социал-капитализм	Коммунизм
Развитый правовой порядок	Смешанный тип на основе развитого правового порядка	Смешанный тип на основе неразвитого правового порядка	Тотальность потестарного (силового) порядка

Источник: [Четвернин, 2014. С. 187].

⁵ Неплохое определение цивилизации дает Куран: «Цивилизация означает особо прочный (durable) набор характеристик, который придает большим массам населения отчетливую идентичность. Что делает их прочными, так это их комплементарность. Козволюционируя в течение длительного времени, они по большей части поддерживают друг друга» [Kuran, 2009a. P. 594]. Если же слово «цивилизация» все-таки вызывает сомнения, то вслед за Норттом, Джон Уоллисом и Барри Вайнгатом можно говорить о социальных порядках [Норт и др., 2011].

⁶ Вместо определения «потестарный» (от лат. «власть», «мощь»), которое обычно применяют к описанию догосударственных сообществ, лучше было бы использовать «силовой». Тем более сам автор пишет, что «все институты, включая государственность, подразделяются на правовой и силовой типы» [Четвернин, 2014. С. 174].

⁷ «Правовыми... признаются институты и составляющие их нормы, которые обеспечивают свободную жизнедеятельность и позволяют пресекать, подавляют агрессивное насилие» [Четвернин, 2014. С. 167].

Согласно Четвернину, восточная модернизация — это приспособление потестарных цивилизаций не к капитализму, а к западному социал-капитализму. Последний ближе к потестарной цивилизации, чем капитализм. В результате складывается особый тип социал-капитализма — восточный. Он существует в рамках цивилизации потестарного типа и поэтому, несмотря на переход от собственности как привилегии к собственности как универсальности, когда каждый может получить официально признаваемый статус частного собственника, остается обществом с неразвитыми правовыми институтами.

Ясно, что эта схема нуждается в уточнении. Так, ряд восточных стран с точки зрения развития правовых институтов не только не отстает от многих западных государств, но и опережает их. Возьмем Индекс верховенства права 2017–2018: Сингапур на 13-м месте, Япония — на 14-м, Южная Корея — на 20-м. Последняя соседствует с Францией и США, которые заняли 18-е и 19-е места соответственно⁸.

Однако рассматриваемая схема привлекательна тем, что в ее основу положено деление на правовой и потестарный (силовой) порядки, основанное на принципиальном различии в характере прав собственности. Правовым цивилизациям (Запад) соответствуют индивидуальные права собственности, силовым (Восток) — то, что экономисты определили как власть-собственность⁹. Соответственно, модернизация фактически описывается как смещение от власти-собственности к частной собственности.

Между названными двумя типами собственности разворачивается межцивилизационная институциональная конкуренция, в ходе которой — ради сохранения идентичности — идет борьба за выживание по принципу кто кого. Разумеется, частная собственность в той или иной мере может встраиваться в систему, где доминирует власть-собственность, но при этом не может выйти из подчиненного состояния. В противном случае меняется вся система и общество переходит в альтернативный тип цивилизации. Именно это произошло в силу разных исторических обстоятельств с перечисленными азиатскими странами. В то же время было и нечто общее, вызвавшее такой переход, — сильнейший экзогенный шок. Вряд ли Япония была бы сегодня той, какая она есть, если бы воевала во Второй мировой войне на стороне победителей.

Власть-собственность означает, что в обществах, где она доминирует, невозможно разделить политику и экономику. Распоря-

⁸ World Justice Project. Rule of Law Index 2018–2018. <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/wjp-rule-law-index-2017%E2%80%932018>.

⁹ Систематизированный анализ различий между частной собственностью и властью-собственностью содержится в работе [Нуреев, Латов, 2009. С. 41–42].

дительные полномочия собственника де-факто не закрепляются за каким-то конкретным лицом и не гарантируются ему, а распределяются в соответствии с уровнями иерархии в системе государственного принуждения, причем иерархия эта выстраивается часто на неформальных основаниях. Поэтому перемещения указанных полномочий от одних субъектов к другим столь же случайны и произвольны, сколь случайна и произвольна смена ими статусов во власти. Такая квазисобственность следует за статусом, поскольку обуславливается им.

В силу этих обстоятельств во властно-собственнических обществах не может быть верховенства права — оно просто несовместимо с господствующим в них принципом свободной отчуждаемости законодательно декларированных собственнических прав по решениям неявно уполномоченных на это носителей государственной власти¹⁰. В них не может быть и надежной личной неприкосновенности самих индивидов, поскольку таковая была бы серьезным препятствием для функционирования перераспределительного механизма института власти-собственности. Масштабы необоснованного уголовного преследования предпринимателей в России — лучшее подтверждение сказанного¹¹. В результате независимость (суверенитет) личности растворяется в государственных притязаниях на нее.

Такие социальные системы не совместимы и с демократическим устройством. Подобно тому как закрепление частнособственнических правомочий за тем или иным лицом в правовом обществе не может определяться результатами голосования (скажем, наемные работники предприятий не вольны тасовать состав акционеров посредством подачи голосов), так и власть-собственность исключает участие подведомственного государству населения в делегировании власти снизу тем или иным политикам, поскольку это было бы явным покушением на прерогативы государства как верховного собственника. Покушение на власть здесь равносильно покушению на собственность, сменяемость власти — ее тотальному переделу, а подотчетность населению выглядит полным нонсенсом: акционеры не отчитываются перед наемными работниками.

¹⁰ Из опроса предпринимателей: «У нас у всех собственность немножечко не наша. Мы все понимаем, что мы рулим, но в любой момент нас могут попросить ее отдать... Тот, кто считает, что у него есть мандат на это. Мы понимаем, что это в любой момент может произойти». См.: Мовчан А., Волков Д. Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов. 27.09.2018. <https://canegie.ru/2018/09/27/ru-pub-77353>.

¹¹ По мнению 69% опрошенных экспертов и 84% опрошенных предпринимателей в 37 регионах страны, ведение бизнеса в России является небезопасным и предприниматели не защищены от необоснованного уголовного преследования. См.: Дергачев В., Грошева М. Закрытый опрос ФСО показал рекордное недоверие бизнеса к силовикам. 28.05.2019. <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5cebe7939a794754023bf449>.

В современном мире деление на правовую и силовую цивилизации (социальные порядки) видно из противостояния США и их союзников с одной стороны и России с Китаем — с другой¹². В том, что они представляют собой цивилизации-антиподы, легко убедиться с помощью разных международных рейтингов свобод. Лучше всего использовать относительно недавно появившийся Индекс человеческой свободы (ИЧС, Human Freedom Index), который составляется Институтом Катона (США) и объединяет хорошо известный рейтинг экономических свобод (Economic Freedom of the World) Института Фрэзера (Канада) и Индекс личных свобод (Personal Freedom Index). Последний есть инновационный продукт Института Катона. Для иллюстрации выбраны США и Германия как страны — представители правовой цивилизации. Они противопоставлены России и Китаю, олицетворяющим силовую цивилизацию.

По данным за 2016 год, Индекс человеческой свободы составил 8,46 для Германии (максимальный балл — 10) и 8,39 — для США. Это 13-е и 17-е места соответственно из 162 оцененных стран. У России 6,27 балла (119-е место), у Китая — 5,91 (135-е место)¹³. Однако особо убедительно расхождение цивилизаций демонстрирует Индекс личных свобод, включающий верховенство права, политические и гражданские свободы (рис. 2). Из него видно, что никакого сближения двух типов цивилизаций не происходит (модернизация в этой области отсутствует), напротив, Россия (в 2016 году — 130-е место) становится всё ближе к Китаю (141-е)¹⁴.

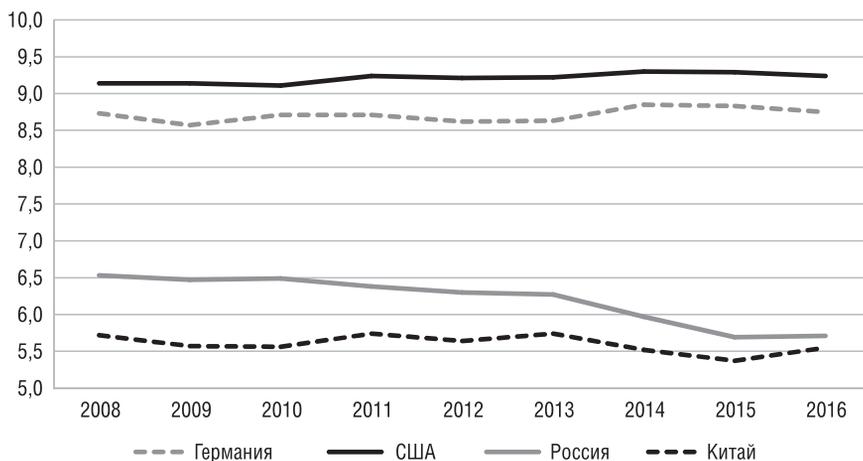
В глобальном противостоянии цивилизаций первичным полем институциональной борьбы становятся фундаментальные неформальные институты, или культура. Примем определение культуры как убеждений относительно справедливости или несправедливости социального порядка. В такой интерпретации она ближе к тому, что называют политической культурой. Она обуславливает легитимацию власти, поддержание которой стало сложной задачей для силовых цивилизаций XXI века. Очевидно, что и в Китае, и в России сильна традиционная легитимация власти из знаменитой веберовской триады и очень слаба легитимация через идею власти как результата общественного договора

¹² К лидерам силовой цивилизации следует отнести еще некоторые амбициозные страны исламского мира, прежде всего, конечно, Иран, но для понимания природы институционального противостояния вполне можно обойтись и без него.

¹³ *Vásquez I., Porčnik T.* The Human Freedom Index 2018: A Global Measurement of Personal, Civil, and Economic Freedom. Washington: Cato Institute, Fraser Institute and the Friedrich Naumann Foundation for Freedom, 2018. <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/human-freedom-index-files/human-freedom-index-2018-revised.pdf>.

¹⁴ Ibid.

и выборов¹⁵. Однако этого недостаточно, поскольку в условиях информационной открытости правомерность и оправданность самодержавной власти (имеющей своим источником саму себя) должна иметь дополнительные подтверждения.

Источник: *Vásquez I., Porčnik T. The Human Freedom Index 2018.*

Рис. 2. Индекс личных прав: правовая (Германия и США) и силовая (Россия и Китай) цивилизации

Главным препятствием их получения становится демонстрационный эффект. Так, страны из верхнего квартиля значений ИЧС имели средний ВВП на душу населения, равный 39 249 долл. (постоянные доллары 2011 года), в то время как для стран из второго квартиля этот показатель равнялся только 13 722 долл., опускаясь в последнем квартиле до 12 026 долл.¹⁶ В Китае легитимация режима находила свое оправдание в многолетних высоких темпах экономического роста. Вместе с тем Джон Данн подчеркивает кроющуюся в этом опасность: падение темпов роста может привести к резкому росту популярности легитимации через демократию [Данн, 2016. С. 94].

Одним из способов противодействия этой опасности у силовой цивилизации является то, что на языке спецслужб называется подрывными операциями. С точки зрения институциональной теории их можно обозначить как институциональную агрессию. Она распространяется и на неформальные, и на формальные ин-

¹⁵ «Российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон» [Тульчинский, 2018. С. 77]. Похожая ситуация наблюдается и в Китае: «Оставить выбор предводителя прозрачности народа — не та стратегия, которая может зарекомендовать себя в Пекине. Это не может естественным и практическим образом следовать из тысячелетней политической истории Китая или из его интеллектуальной истории» [Данн, 2016. С. 106].

¹⁶ *Vásquez I., Porčnik T. The Human Freedom Index 2018.*

ституты демократических обществ. Ее инструментами могут быть раздувание острого идейного и политического противостояния через СМИ и особенно Интернет, пестование дестабилизирующих идеологий, политических движений и партий, вмешательство в выборы, экспорт коррупции, в том числе в ходе реализации крупных инфраструктурных проектов. Американские авторы всё чаще обращают внимание на быстро растущую активность Китая как институционального агрессора [Dobbins et al., 2018]. Ближняя цель силовой цивилизации — создание хаоса в альтернативном социальном порядке и тем самым ослабление демонстрационного эффекта («Хотите, чтобы было как в Париже?»).

В то же время державы из цивилизаций-антиподов преследуют и дальнюю цель — делигитимацию чуждых для них социальных порядков в тех странах, которым они присущи. Для государств силовой цивилизации заметно лучшие условия жизни масс в странах Запада представляют непреходящую угрозу, и поэтому в идеале для них хорошо бы полностью вытеснить создающие ее институты и заменить неким подобием своих собственных. Поэтому нужно всеми силами и средствами создавать недовольство граждан западных стран устоями правовых обществ и поощрять поиск разных вредоносных для них идей¹⁷. Со своей стороны и державы Запада в той или иной мере стремятся к экспорту демократических и либеральных ценностей, зная об их разрушительном воздействии на силовые цивилизации.

Следует отметить, что институциональный антагонизм цивилизаций-антиподов нельзя преодолеть с помощью некой новой конвергенции, как полагают некоторые авторы, например Ольга Бессонова. Никакого крупномасштабного включения «частной собственности в структуру общественно-служебных отношений» [Бессонова, 2015. С. 98] не может произойти без уничтожения частной собственности как таковой. Хотя это, конечно, не исключает периодически происходящих сближений этих цивилизаций, в том числе и за счет усиления имеющихся внутри них «тройных коней» в виде идеологий и движений, отвергающих фундаментальные принципы собственной социальной системы. Такой феномен подрыва изнутри характерен не только для силовой цивилизации, но и для правовой, о чем, например, может свидетельствовать критика либертарианцами антирыночных и антиправовых практик в прошлом и настоящем стран Запада.

¹⁷ Любопытно отметить, что перебежчик из КГБ Юрий Безменов (псевдоним — Томас Шуман) подчеркивал, что на шпионаж организация тратила лишь 10–15% своего бюджета, остальное шло на идеологические диверсии, которые формально не противоречили законам свободных стран [Шуман, 1984]. В сущности, это были атаки на неформальные институты, прежде всего на легитимность конституционных демократий.

Важно также не пройти мимо принципиального отличия институциональной конкуренции стран из одной цивилизационной модели от институциональной конкуренции стран из цивилизаций-антагонистов. Первая практически не затрагивает базовые неформальные институты, прежде всего легитимацию общественного строя. Соревнование касается формальных институтов: налоговых ставок, внешнеторговых барьеров, разнообразных мер государственного регулирования и т. п. Нередко, хотя и не всегда, оно принимает форму того, что ранее было обозначено как позитивная международная конкуренция, служащая распространению наиболее эффективных институтов.

Вторая имеет конечной целью замену чуждых институтов собственными посредством внедрения последних на вражескую территорию. Пути этого внедрения могут быть разнообразными, но смысл у них один — подавить опасную альтернативу, которая в случае радикальной трансформации силовой цивилизации низводит властителей-собственников до роли наемного обслуживающего персонала. В случае же подобной трансформации правовой цивилизации частная собственность заменяется на власть-собственность (нацистская Германия). Эта конкуренция концентрируется на стремлении переделать мир по своему образцу. И поскольку она носит бескомпромиссный характер, ведется во имя институционального уничтожения противника, ее можно определить как негативную международную институциональную конкуренцию.

Заключение

Проведенный анализ институциональной конкуренции позволяет сделать выводы, касающиеся модернизации. Таковая относится к силовым цивилизациям и протекает в двух формах — как вестернизация и как адаптация. Первая представляет собой проникновение рыночных и правовых институтов в силовые цивилизации. Вместе с ними внедряется и частная собственность. Но этот процесс имеет свой предел, власть жестко его контролирует. Отношение властей к вестернизации двойственное. С одной стороны, она оживляет силовые цивилизации, придает им гибкость и динамику, открывает их миру. С другой — это довольно горькое и опасное лекарство, угрожающее основам силового социального порядка, поэтому прием его надо строго дозировать. Если вестернизация приведет к радикальному слому самодержавной государственнической политической культуры силовой цивилизации, почти неизбежна грядущая победа комплекса институтов правовой цивилизации путем вытеснения институтов

силовой. Модернизация как завершенная вестернизация означает смену цивилизационной принадлежности.

Другое дело — модернизация как адаптация. Она носит организационно-технический характер. В российской истории такими были реформы Петра I и сталинская индустриализация. И здесь важно помнить об отличии институтов от организаций. Сталин воспроизвел институты патримониального государства Московия (XVI–XVII века) в сильно трансформированном применительно к индустриальной эпохе виде. Та же власть-собственность обрела совершенно иные очертания, но свою природу сохранила. По отношению к поздней имперской эпохе России это была явная девестернизация или контрмодернизация. Тем не менее произошел организационно-технический прорыв, прежде всего в военно-промышленном комплексе с его передовыми для того времени продуктами. Говоря о российских модернизациях, шведский экономист Стефан Хедлунд верно отмечал, что они носили преимущественно технический характер и им «ни разу не удалось перейти порог вестернизации» [Хедлунд, 2015. С. 253].

«Порог вестернизации» и сегодня не перешли ни Россия, ни Китай, хотя рынок довольно глубоко внедрился в эти оплоты цивилизации силового типа. Однако им очень подходит определение «рыночный сталинизм», понимаемый как противоречивое, но в определенной мере эффективное внедрение рыночных начал в иерархическую структуру власти-собственности и соответствующих ей политических порядков.

Литература

1. Автономов В., Воробьев А., Кононенко П., Расков Д., Тульчинский Г. Культура как новый фронт в экономической науке // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 178–193.
2. Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016.
3. Бессонова О. Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
4. Данн Д. Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
5. Заостровцев А. П. Дуглас Норт о культуре и историческом развитии // Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных наук и искусств СПбГУ. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 195–217.
6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
7. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
8. Россия как цивилизация: материалы к размышлению / Под ред. О. И. Шкаратан, В. Н. Лексина, Г. А. Ястребова. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015.

9. Тамбовцев В. Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс, 2014.
10. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетейя, 2018.
11. Четвернин В. А. Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сб. статей. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 161–205.
12. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественные науки. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
13. Шуман Т. (Безменов Ю.) Любовное послание Америке. Лос-Анджелес, 1984. <https://velesova-sloboda.info/archiv/pdf/shuman-bezmenov-lyubovnoe-poslanie-amerike.pdf>.
14. Янов А. Л. Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый хронограф, 2017.
15. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions // Journal of Economic Literature. 2014. Vol. 53. No 4. P. 898–944.
16. Bernholz P. Causes of Changes in Political-Economic Regimes // Competition Among Institutions / L. Gerken (ed.). N. Y.: MacMillan Press Ltd, 1995. P. 65–88.
17. Bernholz P. Institutional Competition: International Environment, Levels and Consequences // Institutional Competition / A. Bergh, R. Höijer (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 90–112.
18. Blyth M., Hodgson G. M., Lewis O., Steinmo S. Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. No 3. P. 299–315.
19. Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. Institutional Changes: Alternative Theories and Consequences for Institutional Design // Journal of Economic Behavior & Organization. 2011. Vol. 79. No 1–2. P. 3–19.
20. Choi Y. B. Editorial // Journal of Economic Behavior & Organization. 2013. Vol. 88. No 1–2. P. 1–2.
21. Dobbins J., Shatz H. J., Wyne A. Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses. 2018. <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html>.
22. Gerken L. Institutional Competition: An Orientative Framework // Competition Among Institutions / L. Gerken (ed.). N. Y.: MacMillan Press Ltd, 1995. P. 1–34.
23. Handbook of New Institutional Economics / C. Ménard, M. M. Shirley (eds.). Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2008.
24. Harari M., Tabellini G. The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // Culture Matters in Russia—and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict / L. Harrison, E. Yasin (eds.). L.: Lexington Books, 2015. P. 245–265.
25. Höijer R. The Concept of Institutional Competition // Institutional Competition / A. Bergh, R. Höijer (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 1–28.
26. Kerber W., Vanberg V. Competition Among Institutions: Evolution Within Constraints // Competition Among Institutions / L. Gerken (ed.). N. Y.: MacMillan Press Ltd, 1995. P. 35–64.
27. Kuran T. Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach // Journal of Economic Behavior & Organization. 2009a. Vol. 71. No 3. P. 593–605.
28. Kuran T. Preface: The Economic Impact of Culture, Religion, and the Law // Journal of Economic Behavior & Organization. 2009b. Vol. 71. No 3. P. 589–592.
29. Ménard C., Shirley M. M. Introduction // Handbook of New Institutional Economics / C. Ménard, M. M. Shirley (eds.). Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2008. P. 1–18.
30. North D. C. Institutions and the Performance of Economies over Time // Handbook of New Institutional Economics / C. Ménard, M. M. Shirley (eds.). Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2008. P. 21–30.
31. North D. C. The Role of Culture in Understanding the Process of Economic and Social Change // Culture Matters in Russia—and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict / L. Harrison, E. Yasin (eds.). L.: Lexington Books, 2015. P. 233–238.
32. North D. C. Institutional Competition // Locational Competition in the World Economy / H. Siebert (ed.). Tübingen: Mohr (Siebeck), 1996. P. 27–37.

33. North D. C. Understanding the Process of Economic Change. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005.
34. Pelikan P. Competitions of Socio-Economic Institutions: In Search of the Winners // Competition Among Institutions / L. Gerken (ed.). N. Y.: MacMillan Press Ltd, 1995. P. 177–208.
35. Shirley M. M. Institutions and Development // Handbook of New Institutional Economics / C. Ménard, M. M. Shirley (eds). Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2008. P. 611–638.
36. Vanberg V. J. Can Competition Between Governments Enhance Democracy? // Institutional Competition / A. Bergh, R. Höijer (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 113–128.
37. Vaubel R. A History of Thought on Institutional Competition // Institutional Competition / A. Bergh, R. Höijer (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 29–66.
38. Wohlgemuth M. Learning Ethrough Institutional Competition // Institutional Competition / A. Bergh, R. Höijer (eds.). Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P. 67–89.

Ekonomicheskaya Politika, 2019, vol. 14, no. 5, pp. 150-171

Andrey P. ZAOSTROVTSEV, Cand. Sci. (Econ.). National Research University Higher School of Economics (16, Soyuza Pechatnikov ul., Saint Petersburg, 190121, Russian Federation); Center for Modernization Studies, European University at St. Petersburg (6/1, A, Gagarinskaya ul., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation).
E-mail: zao-and@yandex.ru

Institutional Competition and Collision of Civilizations in the Process of Modernization

Abstract

The article is the study of such a phenomenon as institutional competition in the framework of a civilizational approach. An institution is described as a complex, composite category. Various approaches of modern authors to its definition and the divergence of their interpretations are revealed. The author of this article identifies informal institutions with culture, which is defined as rooted mass beliefs about a just social order. Formal institutions are ultimately determined by culture, but are not related to it. Civilizations, or social orders, are divided into two types: lawful and violent. The former is based on protected private property, whereas the latter represents the so-called power-property, when the state is the explicit or implicit supreme owner. Institutional competition between the lawful and violent civilizations implies competition for the replacement of one of the competing parties' fundamental institutions with alternative institutions of the other. In this respect, it differs radically from institutional competition between countries of the same civilization type, where evolutionary selection of institutions occurs while maintaining a common institutional core. Modernization is a dual concept. On the one hand, it acts as westernization, i.e. the displacement of institutions of the violent civilization by its alternative. Completed westernization would mean, for one country or another, a change in the civilizational paradigm. On the other hand, countries belonging to the violent civilization hold back westernization, and resort to adaptive modernization in the form of organizational and technical improvements as well as controlled market transformations that do not destroy their institutional cores. In the 21st century, no rapprochement of civilizations can be observed: on the contrary, they are being alienated from each other.

Keywords: formal institutions, informal institutions, lawful civilization, violent civilization, duality of modernization, westernization, adaptation.

JEL: B20, B40, B41, B52.

References

1. Avtonomov V., Vorobyev A., Kononenko P., Raskov D., Tulchinskii G. *Kultura kak novyy frontir v ekonomicheskoy nauke* [Culture as the New Frontier of Economics]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2017, vol. 12, no. 5, pp. 178-193.
2. Begeulsdijk S., Maseland R. *Kultura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti prakticheskogo primeneniya v sovremennosti* [Culture in Economics: History, Methodological Reflections and Contemporary Applications]. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo Isnituta Gaidara, Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2016.
3. Bessonova O. E. *Rynok i razdatok v rossiyskoy matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [Market and Razdatok in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015.
4. Dunn J. *Ne ocharovyvat'sya demokratiey* [Breaking Democracy's Spell]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2016.
5. Zaostrovtshev A. P. *Douglass North o kul'ture i istoricheskom razviti* [Douglass North on Culture and Historical Development]. In: *Al'manakh Tsentra issledovaniy ekonomicheskoy kul'tury fakul'teta svobodnykh nauk i isskusstv SPbGU* [Almanac of the Center for Economic Research of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of Saint Petersburg State University]. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, pp. 195-217.
6. North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2011.
7. Nureev R. M., Latov Yu. V. *Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya)* [Russia and Europe: Path Dependence (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)]. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010.
8. Shkaratan O. I., Leksin V. N., Yastrebov G. A. (eds.). *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Materials for Reflection]. Moscow, Redaktsiya zhurnala "Mir Rossii", 2015.
9. Tambovtsev V. *Ekonomicheskaya teoriya neformal'nykh institutov* [Economic Theory of Informal Institutions]. Moscow, RG-Press, 2014.
10. Tulchinskii G. L. *Politicheskaya kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy* [Political Culture of Russia: Sources, Lessons, Prospects]. St. Petersburg, Aleteyya, 2018.
11. Chetvernin V. A. *Ponyatie prava: konkuriruyushchie paradigmy* [The Concept of Law: Competing Paradigms]. In: *Kapitalizm i svoboda: sb. statey* [Capitalism and Freedom: Collection of Articles]. St. Petersburg, Nestor-istoriya, 2014, pp. 161-205.
12. Hedlund S. *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennye nauki. Sposoby obyasneniya sistemnogo provala* [Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure]. Moscow, Izd. dom VShE, 2015.
13. Shuman T. (Yu. Bezmenov). *Lyubovnoe poslanie Amerike* [Love Letter to America]. Los Angeles, 1984. <https://velesova-sloboda.info/archiv/pdf/shuman-bezmenov-lyubovnoe-poslanie-amerike.pdf>.
14. Yanov A. L. *Spor o "vechnom" samoderzhavii: ot Groznogo do Putina* [The Debate About the "Eternal" Autocracy: From Terrible to Putin]. Moscow, Novyy khronograph, 2017.
15. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, 2014, vol. 53, no. 4, pp. 898-944.
16. Bernholz P. Causes of Changes in Political-Economic Regimes. In: Gerken L. (ed.). *Competition Among Institutions*. N. Y., MacMillan Press Ltd, 1995, pp. 65-88.
17. Bernholz P. Institutional Competition: International Environment, Levels and Consequences. In: Bergh A., Höijer R. (eds.). *Institutional Competition*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 90-112.
18. Blyth M., Hodgson G. M., Lewis O., Steinmo S. Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions. *Journal of Institutional Economics*, 2011, vol. 7, no. 3, pp. 299-315.

19. Brousseau E., Garrouste P., Raynaud E. Institutional Changes: Alternative Theories and Consequences for Institutional Design. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2011b, vol. 79, no. 1-2, pp. 3-19.
20. Choi Y. B. Editorial. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2013, vol. 88, no. 1-2, pp. 1-2.
21. Dobbins J., Shatz H. J., Wyne A. *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*. 2018. <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html>.
22. Gerken L. Institutional Competition: An Orientative Framework. In: Gerken L. (ed.). *Competition Among Institutions*. N. Y., MacMillan Press Ltd, 1995, pp. 1-34.
23. Ménard C., Shirley M. M. (eds.). *Handbook of New Institutional Economics*. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2008.
24. Harari M., Tabellini G. The Effect of Culture on the Functioning of Institutions. In: Harrison L., Yasin E. (eds.). *Culture Matters in Russia-and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict*. L., Lexington Books, 2015, pp. 245-265.
25. Höijer R. The Concept of Institutional Competition. In: Bergh A., Höijer R. (eds.). *Institutional Competition*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008. pp. 1-28.
26. Kerber W., Vanberg V. Competition Among Institutions: Evolution Within Constraints. In: Gerken L. (ed.). *Competition Among Institutions*. N. Y., MacMillan Press Ltd, 1995, pp. 35-64.
27. Kuran T. Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2009a, vol. 71, no. 3, pp. 593-605.
28. Kuran T. Preface: The Economic Impact of Culture, Religion, and the Law. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2009b, vol. 71, no. 3, pp. 589-592.
29. Ménard C., Shirley M. M. Introduction. In: Ménard C., Shirley M. M. (eds.). *Handbook of New Institutional Economics*. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2008, pp. 1-18.
30. North D. C. Institutions and the Performance of Economies over Time. In: Ménard C., Shirley M. M. (eds.). *Handbook of New Institutional Economics*. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2008, pp. 21-30.
31. North D. C. The Role of Culture in Understanding the Process of Economic and Social Change. In: Harrison L., Yasin E. (eds.). *Culture Matters in Russia-and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict*. L., Lexington Books, 2015, pp. 233-238.
32. North D. C. Institutional Competition. In: Siebert H. (ed.). *Locational Competition in the World Economy*. Tübingen, Mohr (Siebeck), 1996, pp. 27-37.
33. North D. C. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2005.
34. Pelikan P. Competitions of Socio-Economic Institutions: In Search of the Winners. In: Gerken L. (ed.). *Competition Among Institutions*. N. Y., MacMillan Press Ltd, 1995, pp. 177-208.
35. Shirley M. M. Institutions and Development. In: Ménard C., Shirley M. M. (eds.). *Handbook of New Institutional Economics*. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2008, pp. 611-638.
36. Vanberg V. J. Can Competition Between Governments Enhance Democracy? In: Bergh A., Höijer R. (eds.). *Institutional Competition*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 113-128.
37. Vaubel R. A History of Thought on Institutional Competition. In: Bergh A., Höijer R. (eds.). *Institutional Competition*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 29-66.
38. Wohlgemuth M. Learning Through Institutional Competition. In: Bergh A., Höijer R. (eds.). *Institutional Competition*. Cheltenham, Edward Elgar, 2008, pp. 67-89.